

Профессор

Перевод с английского Т. ОЗЕРСКОЙ

Ровно в семь часов большой автомобиль подъехал к Букер Вашингтон Отелю, и белый шофер, одетый в форму, выскочил из автомобиля и вошел в подъезд, намереваясь справиться у портье о профессоре-негре по имени Т. Уолтон Браун. Но профессор был уже там, он сидел в вестибюле, шея у него была обмотана белым шарфом и поверх смокинга на нем было надето черное пальто, которое ему оставалось только застегнуть.

Как только шофер вошел, профессор направился к нему: — От мистера Чэндлера? — неуверенно спросил он.

— Да, сэр, — ответил белый шофер, глядя на маленького, щеголеватого негра. — Вы доктор Уолтон Браун?

— Я, — сказал профессор, он улыбнулся и слегка кивнул.

Шофер распахнул дверь отеля перед доктором Брауном, потом бросился к машине и отворил дверцу. Внутри большого автомобиля и над черной длинной подножкой вспыхнул свет. Профессор вошел в автомобиль, полный мягких подушек, пушистых ковров и живых цветов в хрустальных вазах. Шофер с величайшей почтительностью закутал колени профессора в меховой плед, захлопнул дверцу, занял свое сиденье впереди за стеклянной перегородкой, и автомобиль, загудев, устремился вперед. В вестибюле дешевого отеля несколько бедно одетых негров с изумлением наблюдали всю эту процедуру.

— Должно быть, важная птица! — произнес кто-то.

Ребятишки с серыми как пепел лицами перебежали через улицу перед самыми колесами автомобиля, и когда шофер замедлил ход, чтобы не задавить их, в ярком свете фар отчетливо обрисовались тощие ноги и жалкое тряпье. Потом автомобиль завернул за угол и понесся через негритянский квартал, вдоль улицы, по обеим сторонам которой тянулись ломбарды, пивные, дешевые кино, парикмахерские, па-

латки, где продавалось голые, и другие убогие лавченки, обслуживающие бедняков черного квартала. Сидя внутри большого автомобиля, доктор Уолтон Браун с прустью размышлял о том, что во всех крупных городах, которые он только что посетил, читая публичные лекции с целью сбора средств для своего колледжа, главные улицы негритянских кварталов имели такой же жалкий и непривлекательный вид: лавченки с голым, ломбарды, пивные — и, конечно, дома терпимости, только последние, по крайней мере, обходились без вывесок.

Профессор отвернулся от неприятного зрелища этой типичной негритянской улицы, такой нищенской и грязной. Он стал смотреть прямо перед собой сквозь стекло на исполненный достоинства затылок белого шофера, сидевшего впереди. Профессор, чье темное лицо казалось еще темнее от белого шелкового шарфа, повязанного вокруг шеи, в своем элегантном смокинге и под меховым пледом чувствовал себя тепло и уютно, но вместе с тем он ощущал легкое беспокойство от этой поездки в дорогом автомобиле, с белым шофером за рулем, по улицам города, расположенного на самой границе Южных штатов.

«Но в конце концов, — думал он, — автомобиль принадлежит богачу мистеру Ральфу П. Чэндлеру, и, конечно, никто не посмеет меня тронуть. Чэндлеры — это сила на Среднем Западе, да и на Юге тоже. Они владеют одним из самых крупных состояний в Америке. И при этом они филантропы, в делах благотворительности едва ли кто может потягаться с ними — у них это великолепно поставлено, на широкую ногу, и создает им большую популярность. Кроме того они много делают для образования негров. Потому и меня сегодня пригласили».

В настоящий момент Чэндлеры интересовались маленьким негритянским колледжем, в котором преподавал профессор.

Они хотели превратить его в один из главных негритянских колледжей Америки. В особенности их интересовало отделение социологии этого колледжа. Они собирались учредить там научно-исследовательскую кафедру и пригласить для нее подходящего человека. Ученого, доктора философии. Человека авторитетного, как, например, профессор Т. Уолтон Браун. Его «Социология предрассудков» (это весьма умеренное и консервативное исследование) недавно привлекла внимание Чэндлеровского комитета, и их представитель посетил колледж, где имел довольно продолжительную беседу с профессором о его книге и его взглядах. Представитель комитета остался чрезвычайно доволен профессором Брауном, так как взгляды профессора почти полностью совпадали с его собственными.

«Культурный, здравомыслящий, благонадежный молодой негр», — такова была характеристика профессора, полученная Чэндлеровским комитетом от их разъездного представителя.

И вот теперь сам влиятельнейший мистер Ральф П. Чэндлер и миссис Чэндлер, узнав, что профессор приехал прочесть лекции в негритянских церквях, пригласили его к обеду в свой особняк, бывший резиденцией Чэндлеров в этом городе на самой границе Южных штатов. Они прислали за ним свой автомобиль в негритянский Букер Вашингтон Отель — в Букер Вашингтон Отель, где горячая вода всегда была холодной и ни один ящик в шкафах не выдвигался как следует, где профессор дрожал от холода, переодеваясь к обеду, а коридорные, стремясь получить на чай, приставали к нему, предлагая по очереди то полпинты, то женщину.

Теперь профессору было тепло в этом большом автомобиле, который быстро мчался по широкой авеню; черные лачуги остались далеко позади. Профессор чувствовал облегчение. Ему было очень не по себе, когда белый шофер приехал за ним в этот дешевый негритянский отель, расположенный в таком квартале, который, собственно говоря, был не чем иным, как кварталом публичных домов. Но в этом американском городе негр, даже имея ученую степень, не мог попасть ни в один порядочный отель. Негритянские газеты писали, что даже Роланд Хэйс не мог найти себе приличное пристанище, когда он давал здесь концерты.

Вздыхнув, профессор посмотрел в окно на широкие газоны и элегантные особняки, окаймлявшие красивую, ярко освещенную авеню, где жили белые люди. Через некоторое время автомобиль выехал на великолепное пригородное шоссе, и дома исчезли; видны были только оббитые плетнем стены, кустарники и самшитовые деревья, за которыми скрывались уже не особняки, а целые усадьбы. Вскоре автомобиль свернул на мощный въезд, миновал небольшую сторожку привратника и, промчавшись под деревьями парка, среди которых виднелись фонтаны, остановился перед огромным, как отель, домом. Большие висятые фонари подъезда бросали мягкий свет на длинный черный кузов и никелированные части машины. Белый шофер выскочил из автомобиля и почтительно распахнул дверцу перед черным профессором. У входа профессор был встречен английским дворецким, который принял у него пальто, шляпу и шарф. Затем он ввел профессора в большую гостиную, где двое мужчин и женщина беседовали, стоя у камина.

Профессор остановился в нерешительности, не зная, кто из них хозяин дома, но мистер и миссис Чэндлер подошли к нему, представились, пожали ему руку и познакомили его со своим гостем — мистером Балуиком из городского университета, «в который закрыт доступ неграм», — невольно припомнил доктор Браун.

— Очень рад с вами познакомиться, — сказал доктор Балуик. — Я тоже социолог.

— Я слышал о вас, — любезно ответил доктор Браун.

Дворецкий принес херес в серебряном кувшине. Все сели, и белые заговорили о путешествии доктора Брауна: они вежливо спрашивали его, доволен ли он своей аудиторией, посещают ли его лекции только негры или бывают и белые, большой ли популярностью пользуется колледж, и много ли они собирают пожертвований.

Потом мистер Балуик начал расспрашивать профессора о его книге «Социология предрассудков», о том, каким он пользовался материалом, кто из университетских профессоров руководил его работой и считает ли он, что негритянский вопрос будет в конце концов разрешен.

— Мы понемногу двигаемся вперед, — благодушно сказал доктор Браун; это было его обычным ответом, хотя ему часто казалось, что он говорит неправду.

— Верно, — сказал доктор Балуик, — это совершенно справедливо. В нашем университете мы проводим очень интересные опыты междурасового сближения. Мои лекции посетило несколько негритянских священников и преподавателей школ; они произвели на нас впечатление очень культурных людей.

Помимо своей воли доктор Браун спросил: — Но в вашем университете нет учащихся негров?

— Нет, — ответил доктор Балуик, — и это очень жаль. Мы сталкиваемся здесь с большими трудностями. У нас нет государственного университета для негров, а ведь они составляют около половины населения города. Некоторые из моих коллег считают целесообразным создание второго университета, специально для негров, но наши политики говорят, что у них нет средств. А в наш университет принимать негров мы не можем. Сейчас это еще невозможно. А жаль, жаль.

— Не кажется ли вам, мистер Браун, — вмешалась миссис Чэндлер, на пальцах которой сверкали бриллианты, а с губ не сходила улыбка, — не кажется ли вам, что негры чувствуют себя гораздо лучше в своих собственных негритянских школах и что, право, будет приятнее и для негров и для белых, если их не станут соединять вместе.

И опять помимо своей воли доктор Браун ответил: — Как сказать, миссис Чэндлер! Разве мог бы я получить мой диплом в одном из наших негритянских колледжей!

— Разумеется, разумеется, — сказал мистер Чэндлер. — Законченного научного образования вы, конечно, не могли бы получить. Но если ваши университеты будут развиваться, — а мы надеемся, что так и будет, и наш комитет стремится к этому — и если во главе факультетов будут стоять люди, подобные вам, профессор, тогда, мне кажется, вам уже не придется говорить — «как сказать...»

Доктор Браун пришел в себя, он вспомнил о цели своего визита. — Вы правы, — дипломатично согласился он. — Вы правы, — сказал он, думая о предполагаемой кафедре социологии и о шести тысячах долларов в год, которые он может получить, занимая эту кафедру, и о научных исследованиях, которые он сделает, и о книгах, которые он выпустит. «Вы правы», дипломатично ответил доктор Браун мистеру Ральфу П. Чэндлеру, но перед

глазами его еще стоял образ негритянского тетто, через который он только что проезжал; он видел зловонную нищету улицы и убогий «черный» отель, где горячая вода вечно бывает холодной; и негритянские церкви, где он читал свои лекции толпе доверчивых бедняков, не решаюсь предостеречь их против алчных священников, которые их обирают; и негритянские школы, где неграм дается все, что похуже, — плохое оборудование и нищенское, по сравнению со школами для белых, содержание; и пристрастное правосудие Юга, где черные всегда сидят на скамье подсудимых, а белые на местах судей и присяжных, как в процессе Скотсборо; и все остальное, что Америка фабрикует специально для негров и что никогда не бывает равноценно тому, что она создает для белых. И все же доктор Браун сказал: «Вы правы, мистер Чэндлер», потому что, как бы то ни было, а деньги были у мистера Чэндлера!

И вот, сидя в теплой гостиной, доктор Браун убежденно развивал перед супругами Чэндлер свои мысли; он говорил о том, что необходимо создать особые университеты для негров, более крупные и с более широкой программой, и развивать дальше изучение «негритянской жизни» и широко поставить преподавание социологии в его собственном маленьком университете.

— Обед подан, — доложил дворецкий.

Все встали и пошли в столовую, где на столе стояли цветы и горели свечи, и блестяли белые салфетки и серебро, и где доктора Брауна посадили по правую руку от хозяйки, после чего завязался разговор, легкий и непринужденный, пока подавали суп, и ставший снова серьезным и глубокомысленным, когда принялись за жаркое.

— Американские негры не должны позволять коммунистам одурачить себя, — с большим апломбом заявил доктор Балуик, когда дворецкий подавал зеленый горошек.

— Разумеется, нет, — согласился доктор Браун. — Поверьте, что все наши самые влиятельные деятели решительно против коммунизма. — Он посмотрел на чету Чэндлеров и отвесил легкий поклон. — Доктор Келли Миллер против, и доктор Дю Буа, и доктор Хоп, и доктор Мортон. Все лучшие люди против.

— Америка так много сделала для негров, что они не станут стремиться к

ее разрушению,— сказал мистер Чэндлер. Доктор Браун слегка привстал и поклонился.

— В вашей «Социологии предрассудков»,— сказал доктор Балуик,— меня особенно восхищают заключительные слова— ваш великодушный призыв к патриархальным устоям христианской морали и бесхитрое понимание тех принципов справедливости, на которых покоится американское государство.

— Да,— сказал доктор Браун, кивая своей черной головой и внезапно возвращаясь мыслью к шести тысячам долларов в год и к тому, как на эти деньги он поедет со своей семьей на лето в Париж, где на целых три месяца они смогут позабыть о том, что они негры.— Да, доктор Балуик,— продолжал он,— я, как и вы, твердо верю в то, что стоит только лучшим представителям обеих рас объединиться в духе христианского согласия друг с другом, и с негритянским вопросом будет покончено раз и навсегда.

— Прекрасная мысль,— произнесла миссис Чэндлер.

— И очень здравая при этом,— добавил ее супруг.— Но вернемся к вашему колледжу— к вашему университету, я хотел сказать— итак, чтобы превратить ваш колледж в действительно первоклассное учебное заведение, вам потребуется...

— Нам потребуется...— сказал доктор Браун, и теперь он говорил за дирекцию своего колледжа, и за негров-студентов той части Южных штатов, где он жил, и за самого себя— когда-то оборванного юнца, который посещал колледж, где студенческая стипендия была ниже, чем в средних школах Севера, и которому потом пришлось два года проучиться в Бостоне, чтобы поступить в белый колледж, и работать по ночам рассыльным на вокзале, а потом официантом семь лет подряд, пока он не получил докторскую степень; да и после этого он не мог найти работу на Севере, и ему пришлось вернуться на Юг, туда, где он работает сейчас, что, впрочем, открывало теперь для него блестящую возможность за шесть тысяч долларов в год заниматься научными исследованиями и делать статистические выводы, которые другие студенты будут изучать, чтобы получить докторскую степень; и он

думал о том, что наконец-то у него будет столько денег, что он сможет хоть разок повезти свою семью в Европу и на время позабыть о том, что он негр. «Нам потребуется, мистер Чэндлер...»

И потребности маленького колледжа доктора Брауна показались весьма скромными супругам Чэндлер. А здравый смысл и умеренность, проявленные профессором, преисполнили восхищением их филантропические сердца. И мистер Чэндлер и доктор Балуик пришли к заключению, что, вместо того чтобы строить в их городе новый колледж для негров, гораздо лучше посоветовать черным студентам с нынешнего дня и впредь получать образование в маленьком Южном университете под руководством такого замечательного представителя их расы, как доктор Браун.

В гостинной, за кофе они беседовали о наступающем театральном сезоне и о пьесе «Четверо святых в трех актах». Миссис Чэндлер говорила о том, как она любит негритянских певцов, и все улыбалась, все улыбалась.

Пробыв не дольше, чем допускали приличия, профессор поднялся. Автомобиль стоял у подъезда, и профессор пожал руки доктору Балуику и супругам Чэндлер. Белые были в восторге от доктора Брауна. Он видел это по их лицам так же, как когда-то негр-официант угадывал по лицам сидевших за его столиком белых людей, что сумел угодить им сочным бифштексом и хорошим обслуживанием.

— Передайте директору вашего колледжа, что мы скоро ему напишем,— сказали Чэндлеры.— Мы, вероятно, пошлем к нему кого-нибудь поговорить о плане расширения колледжа.— И они попрощались с профессором.

Сидя среди мягких подушек, под пушистым меховым пледом, в автомобиле, который уносил его назад в город, доктор Браун думал о том, что теперь, когда у него будет шесть тысяч долларов в год, которые он заработал, умело подпевая белым в вопросах просвещения негров, он повезет свою семью в Европу, где на целое лето можно будет позабыть о том, что ты негр.